

газеты и журналы то въ сочувствіи анархистамъ, то въ потворствѣ иностраннымъ „интригамъ“, то въ стремленіи къ „упраздненію правительства“. Намъ могутъ указать на вниманіе, которымъ передовыя статьи „Московскихъ Вѣдомостей“ часто пользовались за границей; но главнымъ источникомъ этого вниманія служило предположеніе, что „Московскія Вѣдомости“ отражаютъ собою настроеніе высшихъ сферъ, бросаютъ, по извѣстному англійскому выраженію, „тѣнь грядущихъ событій“. Нѣтъ, независимая русская печать не можетъ помянуть добромъ журналиста, предлагавшаго нѣчто въ родѣ монополіи печатнаго слова, возстававшего противъ порядка, при которомъ „ежедневно раздаются по всей странѣ голоса *неизвѣстныхъ правительству людей*“. Логическій выводъ изъ такихъ положеній—обязательная „оффиціозность“ всѣхъ газетъ и журналовъ. Послѣдователи Каткова и не останавливаются передъ этимъ выводомъ. „Мыслимо ли,—воскликаетъ одинъ изъ нихъ, въ виду возраженій, вызванныхъ новыми правилами о приѣмѣ въ гимназіи,—мыслимо ли, чтобы въ Россіи были, такъ сказать, признаны нормальными два противоположныя теченія: одно—правительственное, въ видѣ принимаемыхъ мѣръ, а другое—газетное, въ видѣ толкованія и критикованія этихъ мѣръ, нерѣдко въ духѣ, совершенно противоположномъ намѣреніямъ и цѣлямъ правительственныхъ мѣропріятій?“ Предлагается, поэтому, слѣдующее: передъ обнародованіемъ извѣстной мѣры сообщать органамъ печати ея мотивы, а затѣмъ *призывать* ихъ къ ея поддержкѣ и разъясненію, „въ ея простой и ясной практической пользѣ“. А если ея польза неясна, а если ясно, наоборотъ, что она далеко не полезна?.. Говорить противъ убѣжденія органы печати не были обязаны даже въ эпоху ея полнѣйшаго порабоженія. Самая мысль о чемъ-либо подобномъ могла возникнуть только теперь, подъ вліяніемъ идей, пущенныхъ въ ходъ „Московскими Вѣдомостями“. И здѣсь, еще разъ, нельзя не вспомнить объ Аксаковѣ, никогда не перестававшемъ стоять за истинную свободу слова.

Катковъ, какъ и Аксаковъ, не имѣлъ сотрудниковъ, сколько-нибудь къ нему близкихъ по вліянію и таланту; но если смерть Аксакова положила конецъ изданію „Руси“, то это еще не значитъ, чтобы такова должна была быть и судьба „Московскихъ Вѣдомостей“. Наслѣдовать Каткову гораздо легче, по двумъ причинамъ. „Русь“ имѣла положительные идеалы; она была одушевлена глубокой вѣрой, проникнута горячимъ чувствомъ, составлявшимъ главную ея силу. Продолжать изданіе „Руси“ могъ только убѣжденный или, лучше сказать, вѣрующій славянофилъ, способный поддержать пламя, зажженное Аксаковымъ. Замѣнить увлеченіе резонерствомъ, образную рѣчь поэта—трезвымъ словомъ критика или публициста, значило бы, мо-